

Почему не существует цифровых аборигенов. Как интернет не меняет наших детей

ПОЛИНА
КОЛОЗАРИДИ

Все сложно. Жизнь подростков в социальных сетях

дэна бойд¹

М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. – 352 с.

Книга дэны бойд формально – как и следует из ее названия – посвящена тому, как живут подростки в социальных сетях. На деле – это один из ключевых текстов в жанре интернет-исследований. Он позволяет посмотреть на интернет как на часть жизни – подростков, детей, взрослых, политиков, образовательных учреждений, разных городов и стран. Посмотреть, удивиться, расспросить других людей о том, что они думают, – и перестроить оптику собственного взгляда.

Из-за «интернета» в аннотации эту книгу легко вообразить на полке раздела «технологии» хорошего книжного магазина. Но ей там не место. Это книга о том, что понимание интернета как явления лишь технологического не верно; дэна бойд предлагает понимать интернет как один из инструментов – или одно из пространств – для общения, образования и вообще жизни. Называя интернет «технологией», люди с легкостью перекладывают на него ответственность за изменения. И заодно укрепляют стереотипы – вместо того, чтобы ставить их под сомнения. Книга бойд позволяет думать и действовать иначе, имея в виду собственные пользовательские практики, знания и умение общаться и разглядывать других.

Полина Колозариди (р. 1987) – интернет-исследователь, координатор клуба любителей интернета и общества, преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Московской высшей школы социальных и экономических наук.

ПОДРОСТКИ КАК ЖУПЕЛ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Книга основана на материалах исследований подростков конца 2000-х. Обращаясь к собственным полевым интервью и

¹ дэна бойд (dannah boyd) указывает свои имя и фамилию именно так – со строчных букв. От использования прописных букв в написании собственного имени дэна бойд отказалась – как она упоминает на своем персональном сайте www.dannah.org/name.html – по личным и политическим соображениям. – *Примеч. ред.*

текстам других коллег (в частности Алисы Марвик), дэна бойд подробно объясняет, как устроены отношение к приватности и публичности, слежке и онлайн-травле, а также надежды на всеобщее равенство и автоматическое улучшения жизни с помощью технологий.

Объяснения эти ставят под вопрос обыденные представления, в которых интернет – козел отпущения, повинный в бедах современности. Оказывается, что интернет не делает подростков асоциальными, не толкает их в руки насильников, а также не порождает иной культуры. Кроме того, сами подростки оказываются не исключительной группой, а участниками социальной жизни – вместе со взрослыми, а иногда отдельно.

Предрассудков и стереотипов, которые опровергает бойд, к 2021 году стало едва ли не больше, чем в 2010-е. Те, кто был подростком пятнадцать лет назад, взрослея, преумножили страхи поколенческого разрыва, стереотипы о цифровых аборигенах и зловещем «виртуальном мире». Почему так произошло? Вряд ли потому, что эти люди не прочитали в свое время дэну бойд. Но, возможно, если разговор об этой книге будет развиваться сейчас, жизнь с интернетом, сохраняя свою сложность, станет чуть менее пугающей.

Правда, чтобы это произошло, внимательному читателю придется вникать в то, что говорят подростки (и не только) о своем опыте, и доверять тому, что дэна бойд рассказывает о контексте их жизни, а возможно, – и тем теоретикам и историкам, к которым она обращается. Каждая глава начинается с жизненного примера. Первый – о подростках, которые сидят на футбольном матче и, конечно, смотрят в телефоны. Общение между ними происходит в социальных сетях: там возникают сетевые публики (*networked publics*) – места и способы² быть вместе, будучи на виду, – и их времяпрепровождение не сводится только к сидению на своих местах, чтобы чинно уйти после конца матча или концерта. Бойд объясняет, что происходит это во многом потому, что публичные места, где можно посмотреть на других и показать себя, строго регулируются. Нельзя выходить в торговый центр или на городскую площадь без родителей после десяти вечера, брать машину и так далее. Да и день у молодых людей, особенно тех, кто из среднего класса и выше, часто распisan по минутам: школа, дополнительные занятия, среди которых нет времени вроде бы бесцельному общению друг с другом.

Заметим, что это касается не только США и не только подростков. Теоретически бойд основывает свои описания на ра-

2 Такое определение не звучит интуитивно, так как привычнее говорить о местах и способах общения раздельно. В одном случае – это пространства, а в другом – социальные круги. Но ход переводчика отсылает к знакомому по «ВКонтакте» слову «публик». В этой социальной сети так называются тематические страницы, которые ведутся одним человеком или сообществом и регулярно обновляются материалами постов.

ботах Ирвинга Гофмана – американского социолога, создавшего мощный инструмент для понимания тех ежедневных действий, которые создают нашу повседневность как нечто привычное. Подход Гофмана называют также «драматургическим», так как он показывает, что представление себя другим – это норма в общении в разных ситуациях. Теории Гофмана позволяют бойд говорить об этой самопрезентации не как о лицемерном выставлении себя в лучшем свете, а как о нормальном ходе социальной жизни. У людей есть социальные роли, причем не только масштабные вроде «ученика» или «хорошего брата», но и более локальные: мы представляем себя исходя из того, что знаем о рамке приличного взаимодействия в каждой ситуации. Так, в каких-то случаях подобает вежливое невнимание, а в других – вовлеченное слушание. Гофман показывал работу такого «управления впечатлениями» на взаимодействиях лицом к лицу, а бойд – переносит часть из них в интернет, показывая, что и там происходит та же работа по представлению себя и одновременно – познанию и изменению правил.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ
ПОЧЕМУ НЕ СУЩЕСТВУЕТ
ЦИФРОВЫХ АБОРИГЕНОВ...

Оказывается, интернет не делает подростков асоциальными, не толкает их в руки насильников, а также не порождает иной культуры. Сами подростки оказываются не исключительной группой, а участниками социальной жизни – вместе со взрослыми, а иногда отдельно.

Я читала эту главу, находясь в санатории, полном немолодых сотрудников бюджетных учреждений, отправившихся для поправки здоровья на Волгу. Когда в санатории разожгли костер для выпекания блинов, вокруг собрались полтора десятка человек. Все они были заняты тем же, чем подростки в книге бойд: снимали друг друга на камеры и отправляли друзьям в *WhatsApp*. Но почему-то пятидесятилетние люди со смартфонами вызывают куда меньше общественного беспокойства, чем подростки. Бойд объясняет это, говоря об особом месте, которое подростки занимают в современных западных странах: уже не дети, но еще не взрослые, они одновременно включены в социальную жизнь, но и исключены из нее. Сам статус подростков делает их более сомнительными, чем другие социальные группы: не несут ли они с собой перемены, которые скоро распространятся на весь мир (например цифровую культуру – что бы это ни означало)?

Тема другой истории, которую приводит бойд, с годами приобрела пугающую актуальность – это обращение к социаль-

ным сетям для проверки личных качеств человека. С помощью «больших данных» в некоторых университетах теперь это делают открыто. В книге описан пример: парень из криминального района пишет вступительную работу о том, как он хочет вырваться из своего окружения. Сотрудники колледжа заглядывают в его социальные медиа, видят, что он участвует в местных подростковых бандах – и собираются отказать. Но дэна бойд пытается объяснить им, что люди в социальных медиа скорее подстраиваются под тех, кто их окружает. И парень, возможно, написал вполне честное эссе, но, чтобы не быть ежедневно битым, ему приходится публично соответствовать нормам, принятым в его районе. О решении приемной комиссии мы не узнаем, но знаем на практике – разного вида мониторинги социальных сетей используются сегодня постоянно.

Исследователи «больших данных» не могут изучить и интерпретировать контекст, из-за чего у них возникают грубые ошибки в выводах, а у пользователей – ощущение слезки, да еще и неумелой, и беспокойство по поводу приватности (опять же формально из-за интернета)³. Конечно, это касается не только подростков; более того, подростки, как и интернет, кажутся к середине книги избыточным обобщением, которое мешает глубже понять проблему.

Собеседникам бойд от 13 до 17 лет; в основном 15–16. Не вполне ясно, где они перестают быть детьми и когда оказываются загадочной «молодежью». До 150 страницы сохраняется ощущение, что подростки воспринимаются бойд почти так же неотрефлексированно, как ее воображаемыми оппонентами – интернет. Ведь само это слово изрядно новое, во многих обществах даже детство – довольно условное понятие. Но все же небольшой контекст становления подростковой культуры бойд дает, хотя и скупо. Да, подростков вне культуры больших городов западных стран можно и не найти. Да, подросток – существо классовое, оно возможно только в системе отношений, где есть обязательное обучение в школе и некоторая поддержка со стороны государства. Эту относительность стоит иметь в виду – сегодня многие из материалов книги применимы к тем, кого называют «зумерами»⁴, или к проблемам «детей в интер-

3 Интересно, что сама дэна бойд после десятилетия интернет-исследований с помощью качественных методов и серьезной теоретической работы создала центр «Data and Society», где занимается как раз этикой и политикой в работе с «большими данными». Это неудивительно – интернет, увы, уже достаточно сильно регулируется и крупными игроками, и теориями, которые реагируют на его сосуществование в антагонистическом ключе (либо нагнетая панику, либо продолжая тенденцию цифрового оптимизма). Но тема изучения данных пока еще подвластна какому-то движению изнутри исследовательского сообщества.

4 Поколения – понятие, ничуть не меньше заслуживающее критики и сомнений, чем «интернет-зависимость». Последней у бойд посвящена отдельная глава, где она, в частности, говорит о том, что само понятие зависимости и к алкоголю с курением поначалу не применялось, а стало частью медиализованного подхода к разным сторонам жизни.

нете». Тем более что словосочетание «цифровые аборигены», политически сомнительное и научно не обоснованное (о чем бойд подробно пишет)⁵, стало, кажется, только популярнее. Возможно, это слабость самого аргумента бойд – даже показывая критическое отношение к стереотипам о подростках, она продолжает настаивать на автономности этой группы. А ведь подростки могут становиться частью «взрослого мира» или менять его границы, общаясь не с людьми своего возраста, а с теми, кто близок по интересам или взглядам. По публикациям самой бойд мы знаем, что такой была ее история взросления⁶. Но по каким-то причинам, критикуя иные обобщения о мире подростков, этот она оставляет в неприкосновенности. Однако текст вполне можно рассматривать как книгу именно об интернете.

ПОЛИНА КОЛОЗАРИДИ
ПОЧЕМУ НЕ СУЩЕСТВУЕТ
ЦИФРОВЫХ АБОРИГЕНОВ...

ЧТО ТАКОЕ ИНТЕРНЕТ?

Книга обещает, что будет посвящена в первую очередь социальным сетям. На деле это не так. Этот текст невозможно понять без обращения к истории интернета, в частности, «Декларации Независимости Киберпространства» Джона Перри Барлоу (одного из авторов пресловутого понятия «цифровой абориген»)⁷. Бойд несколько раз обращается к утопиям, которые предполагают, будто с появлением интернета всех нас (человечество) ожидает демократизация, всеобщий доступ к знаниям и процветание. Этим идеям не суждено реализоваться. В главе о социальных различиях бойд, например, показывает, что расовая сегрегация только увеличилась, причем она возрастает по мере того, как люди выбирают платформу в соответствии с цветом кожи и социальным положением. Российский читатель может вспомнить, как отличались *LiveJournal*, *LiveInternet*, *Diary* и «Мой Мир». Возможно, вы пользовались не всеми из этих блог-платформ, так же как сегодня предпочитаете *Facebook* «Одноклассникам» (или наоборот). И это закономерно – люди осваивают те платформы, которые представляются им подходящими, – то есть те, где находится их

- 5 Политическая проблемность в том, что различие проводится между условно цифровыми аборигенами и цифровыми мигрантами как представителями возрастных групп: более и менее взрослых. Но на деле далеко не все подростки существуют в интернете как рыбы в воде. Значит, дело скорее в экономическом и социальном контексте, а этот контекст понятиями «мигрант/абориген» затушевывается. Научная спорность понятна уже из того, что за полтора десятка лет понятия продолжают применяться – и кем? Вчерашними цифровыми аборигенами.
- 6 Бойд публично пишет о своей истории взросления: как она сидела в онлайн-чатах, общалась там с разными людьми, экспериментировала с социальными ролями, находя в этом общении возможность быть более искренней и точной в проявлении своих гендерных и социальных ролей.
- 7 BARLOW J. P. *Declaration of the Independence of Cyberspace* [1996] (www.eff.org/cyberspace-independence).

круг общения. Подростки в США десять лет назад переходили из *MySpace* в *Facebook*, так как последний – «чище»⁸. В России, да и в других странах есть похожие тенденции – достаточно вспомнить про «мемы из “Одноклассников”» или «более современный» интерфейс *Telegram*. Конечно, все эти суждения связаны с конкретным местом и временем. Пока российские жители больших городов удивляются старомодному и неудобному *WhatsApp*, берлинцы, например, спокойно им пользуются, не подозревая, что *Telegram* «более современный».

Разбираясь в различиях платформ, находя их скорее социальными, чем технологическими, бойд снова и снова показывает, как зыбка эта граница. Пожалуй, это самая сильная часть книги:

«В силу социального положения новизной для подростков обладают не технологические решения, а публичная жизнь, возможности которой они открывают. [...] Взрослые, напротив, пользуются большей свободой в изучении различных публичных пространств. Имея соответствующее техническое оснащение, они с более высокой вероятностью будут сравнивать сетевые паблики с другими публичными кругами общения» (с. 39).

То, что называется «технологией», оказывается часто удобным (взрослым людям) способом описать очередной элемент разнообразия, но связанный с прогрессом и изменением.

Уже из этого следует, что явления, которые кажутся порожденными «цифровым миром», на деле таковыми не являются. В книге это показано на примере травли в интернете, которую уже и в российском контексте называют «кибербуллинг». Конечно, это явление в социальных сетях по виду отличается от того, что показано в фильме «Чучело». И сам термин «кибербуллинг» делает проблему как будто новой, а опыт родителей, участвовавших или страдавших от травли в офлайне, – якобы другим, не таким, как у детей. Это, конечно, еще и следствие использования англицизма с приставкой «кибер». На деле тут нужна демистификация. Использование уже существующего понятия позволяет различать специфическое и типичное не по тому, как они технически опосредованы, а на других основаниях.

Например, нечто, выглядящее как агрессия, может быть санкционировано теми, на кого она вроде как направлена. Самый впечатляющий пример этого в книге – история о том, как подростки сами задавали себе неприятные вопросы в сервисе для анонимных вопросов, а потом вывешивали их для всеобщего обозрения. Дело в том, что вопросы (нейтральные или

8 Здесь бойд обращается к Пьеру Бурдьё, обнаруживая в этом эстетическом суждении – суждении вкуса, которое присуще определенным классам.

оскорбительные в духе «и что же ты такая дура?») становятся в этом сервисе публичными, только если сами авторы на них отвечают. Эта особенность заинтересовала бойд, и она выяснила, что некоторые сами себе еще и пишут обидные вопросы.

Особенность интернета в этом отношении – специфическая публичность. Чтобы показать ее, в книге вводится понятие «сетевые паблики». Бойд выбирает его, чтобы показать особенную роль интернета – как одновременно частного и публичного пространства и инструмента. В английском языке понятие *publics* еще связано с разделением на аудиторию (например фильма) и публику (включенную в обсуждение). Сетевые паблики объединяют оба эти понятия.

В книге бойд рассматривает сетевые паблики как замену, в том числе классическим городским пространствам, сравнивая подростков с фланерами, описанными еще Бодлером. Они же ходят по интернету, как по городу, рассматривая мир и предьявляя себя. Правда, уже во времена публикации книги и расцвета социальных медиа заговорили «о смерти киберфланера». Так называется эссе Евгения Морозова⁹ – публициста, ставшего известным в 2010-е своими книгами о том, как происходит разочарование в утопиях интернета, частных и политических. Более хлестко и эссеистично, чем бойд, а в чем-то и критичнее Морозов показал, что идеи о «твиттер-революциях» как знаке нового, менее иерархически жесткого, порядка несостоятельны. А диктаторы отлично умеют пользоваться интернетом. О крахе политических утопий пишет и бойд, но киберфланер остается частью ее утопического горизонта в отношении подростков и интернета. Так что речь снова не только о социальных медиа, но и об интернете в целом.

Правда, говорить об интернете в широком смысле, вовсе избегая обобщений и не прибегая к описанию и обоснованию интернета как отдельного явления, скорее всего невозможно. Некоторый зазор между разными пониманиями и прочтениями того, что такое интернет, как раз представляется продуктивной частью книги. Ведь читая ее, можно соотнести интернет того времени, когда проведены исследования и написана книга, с тем, что происходит сейчас. Тем более что некоторые вещи – такие, как уже упомянутая двойственность социальных сетей как технологичных для взрослых и социальных для подростков, – никуда не девается.

Эта амбивалентность интернета – как технологии и социального явления – по-прежнему не дает покоя исследователям и пользователям. Бойд блестяще показывает, что у разных групп есть разный доступ к этой двойственности и ее пони-

⁹ MOROZOV E. *The Death of the Cyberflâneur* // New York Times. 2012. February 4 (www.nytimes.com/2012/02/05/opinion/sunday/the-death-of-the-cyberflaneur.html).

манию. Но что более удивительно – эта двойственность вот уже который год остается загадочной для научного и исследовательского сообщества. Хотя библиография «Все сложно» вроде бы включает в себя все ключевые работы интернет-исследователей, такого рода тексты остаются уделом немногих интересующихся этой темой. В остальном, в том числе и на русском языке, по-прежнему публикуются многочисленные материалы, повествующие о том, как виртуальная технология порождает цифровых аборигенов.

О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА

К сожалению, то, как эта книга, которая могла бы стать ключом к пониманию интернета, переведена и введена в оборот, едва ли исправит ситуацию. Перевод в целом вполне толковый. Но, к сожалению, он предназначен скорее для читателя, одновременно желающего разобраться в том, что делать с ребенком, не вылезаящим из планшета, и при этом почему-то готового читать сложные обороты в исследовательском тексте. Комментарии редакторов существенно помогли бы понять контекст, чтобы можно было соотнести идеи бойд с тем, что происходит в том числе и в России, а не рассматривать реальность подростков как явление исключительно американское, подростковое и принадлежащее своей эпохе.

Переводы терминов не объяснены, многие конструкции произвольно переданы англицизмами, другие, наоборот, безосновательно русифицированы. Например, вместо вполне распространенных «аккаунтов» или «профилей» появляются «учетные записи». Или возникают вовсе не понятные «контекстуальные сигналы» (с. 37), которые едва ли могут считаться не только поисковиком, о котором пишет бойд, но и читателем (речь идет о контексте и возможных маркерах, по которым его можно считать). В иных случаях взят прямой перевод – например, словосочетания «сексуальные хищники» (*sexual predators*). В русском языке это словосочетание встречается в литературе по психологии. Однако в массовой культуре, в том числе в переведенных с английского книгах и фильмах, более распространены слова «маньяк» или, что более точно, «насильник»¹⁰. Все же речь идет не о конкретной практике, а в том числе о персонаже коллективного страха, которым «хищник» в русскоязычном мире не является.

Остановлюсь подробно на одном решении, на мой взгляд, чудовищном. Понятие *affordance* переведено как «интуитивно

10 Благодарю Марию Марей за экскурс в то, как это слово переводится в разных контекстах, в том числе в сериалах, и с какими понятиями из реальности русского языка соотносится.

понятное свойство» технологии. Разберемся в этом подробнее. Само понятие (на русский его несколько раз переводили калькой «аффорданс») значит, что у технологического артефакта есть некоторые свойства, позволяющие (или нет) определенные действия. Это не функция, так как речь не идет о специальном назначении, но скорее о том, что позволяет или не позволяет устройство объекта. Например, книгу можно листать, а на планшете нужно свайпать. «ВКонтакте» позволяет обмениваться музыкой, а *Instagram* – нет. Слово «аффорданс» позволяет уловить техничность разных вещей, в том числе книг или ручек, а не только смартфонов и интерфейсов. Термин этот произошел из психологических исследований середины XX века и до сих пор вызывает немало споров. Антропологи (как Дэниэл Миллер и Мария Мадриану например¹¹) или исследователи науки и технологий противопоставляют ему пользовательскую агентность: то, что люди сами могут назначать свойства для самых разных объектов, а не следовать задумкам разработчиков. Русское «интуитивно понятное свойство» едва ли подходит – ведь в англоязычном понятии нет и следа интуиции. Непонятно, должна эта интуиция принадлежать объекту или пользователю. В итоге вместо того, чтобы дать возможность соотнестись с тем широким спектром значений, который есть у англоязычных читателей, переводчик и редактор ошибочно перевели термин – и лишили возможности применить его к дальнейшим исследованиям.

Впрочем, есть и удачные решения, например, если сообщение о прогулке на яхте увидели не близкие друзья, а налогоплательщики, это действительно, «разрушение контекста» (*context collapse*) распространения сообщения. Но стоило снабдить этот перевод уточнением, что в английском языке речь идет о коллапсе – такая метафора отсылает к довольно определенному способу разрушения.

Тем не менее выход на русском книги «Все сложно» – большая радость для российского читателя, студентки, преподавателя и исследовательницы, а также журналистов. Конечно, невозможно вообразить, чтобы книгу тиражом в 1000 экземпляров, которую выпустили без шума и обсуждений, прочитала хоть сколько-то значимая часть людей, пишущих ежедневно об ужасах, подстерегающих детей и взрослых в тенетах «мировой паутины». Но есть надежда, что это произойдет хотя бы с кем-то. Все же дэна бойд написала замечательную книгу о том, что интернет оказывается козлом отпущения, но может быть тем, что помогает людям разного возраста вместе учиться и понимать друг друга, преодолевая сложности.

11 MADIANOU M., MILLER D. *Polymedia: Towards a New Theory of Digital Media in Interpersonal Communication* // International Journal of Cultural Studies. 2013. Vol. 16. № 2. P. 169–187.